

От редакции. Известное философское изречение древнегреческого мыслителя Гераклита Эфесского (Мрачного), ставшее крылатой фразой: «Всё течет, всё изменяется...», современные историки уточнили, добавив «... и всё быстрее». Такую закономерность они назвали «ускорением истории». При этом давно отмечено (еще до ленинского тезиса о неравномерности развития капитализма), что человеческое общество развивается неравномерно как во временном отношении (то ускоряясь, то замедляясь, а то и оказываясь в застое или даже двигаясь вспять), так и в пространственном (вечно одна человеческая группа, включая государства, вырывается вперед, а другая почти безнадёжно плетётся в хвосте).

Конечно, сейчас только ленивый не упоминает буквально бросающееся в глаза ускорение передачи и обработки информации. Уже мало кто помнит, что не прошло и 20 лет (одного поколения землян) с тех пор, как Интернет вырвался на свободу из академической башни, сооружённой в свое время по инициативе Пентагона с целью сохранения связи в случае ракетно-ядерной катастрофы.

Но ускорение истории связано не только с технологическими прорывами. Если обратиться к социально-экономическому развитию отдельных стран, то вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что в последние десятилетия наиболее ярким примером ускорения истории стал Китай (если не считать «ускоренный» распад Советского Союза). Для целого поколения человечества возвышение Китая стало чем-то постоянным, почти вневременным феноменом. Но, как и у каждого общественного явления, у него были свои истоки и в исторических глубинах, и на нынеш-

ней стадии. И, естественно, рано или поздно ему придет конец (в смысле достижения такого уровня, при котором дальнейшее серьезное изменение сил на мировой арене в пользу Китая станет маловероятным по экономическим и геополитическим причинам).

В этом контексте представляет большой интерес период, когда начиналось формирование «китайского экономического чуда». На данную тему имеются достоверные исторические документы, включая решения третьего пленума 11-го созыва ЦК Компартии Китая, немало фундаментальных трудов. А вот непосредственных живых впечатлений очевидцев, притом запечатленных глазом специалиста, не так уж и много, особенно на русском языке. При всей важности шершавого языка цифр и документов научное знание нередко извлекается с помощью «разума чувства». Это касается и понимания тех грандиозных перемен, которые произошли в повседневной жизни и психологии китайцев за последние три десятка лет.

Внимание нашего журнала привлекли дневники вед.н.с. Института востоковедения РАН, к.и.н. Ю.В.Чудодеева, на основе которых написана ниже публикуемая статья. Возможно, некоторые оценки автора, касающиеся тех или иных сторон быта и привычек китайцев в начале перестройки, могут показаться не совсем справедливыми. Но из песни слов не выкинешь. Потому что дневник сам становится свидетелем эпохи.

Е.М. РУСАКОВ, к.и.н., обозреватель журнала «Азия и Африка сегодня» по проблемам стран Восточной и Южной Азии

КИТАЙ НАЧАЛА РЕФОРМ

*Дневниковые записи 1985-1986 гг.
(Шанхай. Университет Фудань)*

Ю.В. ЧУДОДЕЕВ

Кандидат исторических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: Китай, экономические реформы, университет Фудань, китайско-советские отношения

Мне приходилось неоднократно бывать в Китае, в т.ч. и в самый разгар «культурной революции» в 1966 г., как сопровождающему одной из наших последних туристических групп в тот период. Атмосфера была, мягко говоря, не из лучших. Повсеместно маршировали молодые «красные охранники» (*хунвэйбины*), оголтело выкрикивающие «Долой советских ревизионистов!», призывы «ударить по штабам», расправиться с «идущими по капиталистическому пути» и т.п. Пришлось и напрямую столкнуться с *хунвэйбинами*. Да и как с ними было не столкнуться, если их армия разрослась до 25 миллионов?!

Начавшийся в конце 1970-х гг. процесс нормализации отношений между СССР и КНР затронул и научно-образовательную сферу, в частности, появилась возможность для взаимного научного и студенческо-стажерского обмена. Так, в 1985-1986 гг. в составе одной из таких советских групп я попал на стажировку в один из ведущих вузов страны - Фуданьский университет в Шанхае. На протяжении почти 10 месяцев пребывания в Китае я вел дневник, фиксируя свои впечатления. Для меня это было время ранее неизведанного подлинного «открытия Китая», непосредственного общения с различными представителями китайского общества.

Китай - страна исключительной по красоте природы и интереснейших исторических памятников. И в то же время Китай, который открылся мне в тот год, был бедной, отсталой страной, только-только начавшей приходить в себя от маоистских экспериментов, страной, в экономике которой огромную роль продолжал играть физический труд. Конечно, трудолюбие людей не могло не вызывать восхищения: достаточно было увидеть террасные рисовые поля в провинции Сычуань, выдолбленные в горах титаническими усилиями многих поколений крестьян. На улицах и дорогах встречалось мало автомашин, все тяжело перевозилось на огромных телегах впряженными в них мужчинами и женщинами. Поражали крайне убогая жизнь основной массы народа, бедно и однообразно одетые люди, жалкие, по большей части, жилища.

Но в декабре 1978 г. в Китае начались реформы, связанные с инициативами и именем нового китайского лидера Дэн Сяопина. На основе перехода к семейному подряду стала возрождаться китайская деревня, а затем и китайский город, особенно в прибрежных регионах страны.

Начальный период этого сложного процесса в какой-то степени мне удалось запечатлеть в своих дневниковых записях.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

29 августа 1985 г. около 11 часов утра мы приземлились в Пекине. Я оказался в ином мире, сильно отличающемся от того, который последний раз видел 20 лет назад. Это ощущаешь сразу и видишь невооруженным глазом. Аэропорт вроде бы тот же, но самолет подают к современному «хоботу». Таможенный досмотр, медицинский и пограничный контроль проходим без каких-либо осложнений. Китайцы, судя по всему, хотят показать себя гостеприимными хозяевами, продемонстрировать свою снисходительность, свою незаинтересованность

на мелочах (осмотре багажа и т.д.), произвести благоприятное впечатление на гостей.

На несколько дней мы попали в общежитие пекинского Института стали и сплавов в районе Хайдянь. Это северная часть китайской столицы, в 15 - 20 км от центра. Хотя мы проехали только по кромке северной части Пекина, было видно, как город меняется на глазах, как он основательно обновляется: идет строительство жилых массивов с многоэтажными зданиями, современными улицами, транспортными развязками и т.д. На улицах масса велосипедистов, но есть и современные автомашины иностранного производства: «Тойоты», «Мерседесы», «БМВ», «Фольксвагены»... Китайцы проявляют взаимную вежливость. Их, судя по всему, не раздражает, что кто-то вовремя не уступил дорогу.

Люди стали более раскованными, менее озабоченными. В толпе чувствуется деловая целеустремленность, в ней не ощущаешь былой нервозности, наэлектризованности, порой даже обреченности. Все куда-то спешат, снуют туда-сюда, но при этом спокойно и деловито. Прагматический ритм их сегодняшней жизни проявляется во всем. Полным-полно торговых точек. На базаре предлагают всё, что твоей душе угодно. Овощи, фрукты и другие продукты в изобилии. Голода явно нет. Люди одеты лучше.

Не успели мы оглядеться в Пекине, как моей группе предложили собирать чемоданы в Шанхай. На вокзале в зале ожидания мы пробыли часа два в окружении китайцев, но отнюдь не были главным предметом их внимания, которое я прежде наблюдал в Китае: иностранцы - так иностранцы.

Проводники вышколены и дисциплинированы, четко знают свое дело. Они снабжают пассажиров чаем и подробной информацией, рекомендуя при подъезде к какому-либо городу его достопримечательности, а приглашая в ресторан, сообщают меню, цены,

рассказывают о здоровом питании...

ФУДАНЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И вот я в Фуданьском университете. Вся его довольно большая территория вместе с учебными корпусами, административными помещениями, общежитиями для преподавателей и студентов окружена солидным кирпичным забором.

Общежитие иностранных студентов - пятиэтажное здание под номером 19. В комнате стоят кровати с матрасами, на окнах - сетка от комаров (нам вручили накомарники). Дополнительно каждый получил две глубокие и одну плоскую металлические тарелки, палочки для еды и ложку. Постепенно растет число анкет, которые надо заполнять. Сначала нас селят по одному, но при этом заявляют, что в этом случае придется платить по 90 юаней в месяц, а это - немалая сумма, о чем ниже. При проживании иностранцев вдвоем плата не взимается.

Фуданьский университет наряду с Пекинским и университетом Циньхуа принадлежит к тройке элитарных высших учебных заведений КНР. Помимо обычного финансирования, они получают солидные правительственные дотации. В университете учится около 10 тыс. студентов, их обучают 2 тыс. преподавателей (т.е. на каждого из них приходится 5 студентов), вместе с обслуживающим персоналом - около 5 тыс. человек. Набор в эти три университета высшей категории производится по всему Китаю. Поступить в них непросто: надо сдать 6 экзаменов (в другие - меньше), в частности, по китайской литературе, истории, географии, математике, общественно-политическим дисциплинам и иностранному языку. Всего в масштабах страны набралось 200 тыс. абитуриентов. Из них прошли конкурсные экзамены только 5%.

Группу из 10-ти человек, в ко-

тору я попал, определили на исторический факультет.

В студенческом городке оживленно: здесь обосновались все студенты, включая даже жителей Шанхая. В одной комнате селится 8-10 китайцев.

В конце октября по моей просьбе в комнату подселили китайского студента. Так у меня появился новый друг. Его зовут Вэнь Чжигуан, он студент 3-го курса исторического факультета. Очень скромный парень, из интеллигентной семьи. Отец - преподаватель факультета биологии педагогического института, занимается генетикой, мать обучает английскому и немецкому языкам в Институте иностранных языков. Чжигуану - 20 лет. Парень начитанный, целеустремленный. Специализируется в области всеобщей истории.

Мой новый китайский друг написал мне свой фамильный иероглиф и именные иероглифы. Родители дали ему очень красивое имя: «Чжигуан» в переводе на русский означает «Устремленный к славе». Я не преминул сказать, что он должен оправдывать надежды родителей.

Чжигуан как сын сравнительно обеспеченных родителей стипендию не получает. Оказывается, что она полагается только детям малоимущих родителей, в основном, выходцев из деревни. Стипендия мизерная: от 8 юаней на первом курсе до 28 - на последнем. Чжигуан, несмотря на определенный достаток своей семьи, ведет обычную жизнь китайского студента. Он отказался от толстого матраса, который был ему предложен как живущему с иностранным стажером (матрас тут же подхватил Жан Рок, студент из Конго), моет ноги перед сном, вернее, просто держит их в воде, ложится сравнительно рано и рано встает, питается в китайской столовой, живет на 40 юаней в месяц, очень скромно одевается, ненавязчив. Его любимые выражения: «Не имеет значения, сойдет, все в норме».

Вэнь Чжигуан чуть-чуть рассказал о своем дедушке - Ван Личжане. Сейчас ему около 80

лет. Дед окончил университет в США, побывал в Европе - во Франции, Италии, Германии. Он продолжает числиться профессором Фуданьского университета, где начал работать с 1937 г. Является крупным специалистом по мировой финансовой системе. В 1966 г. он подвергался репрессиям со стороны *хунвэйбинов*, был выгнан с работы, у него отобрали дом. Сейчас дом дедушке вернули и восстановили его в профессорском звании, но все его труды были уничтожены, а в доме ничего не сохранилось.

Побывал в книжном магазине при университете. Представленная в нем литература отражает количественные и качественные сдвиги в издательском деле и в развитии исторической науки. На полках лежат: «Капитал» К.Маркса, первые тома полного собрания сочинений В.И.Ленина, «Воспоминания о В.И.Ленине», «Анналы» Тацита, «Воспоминания и размышления» маршала Г.Жукова, перевод советских монографий об утопистах и гуманистах эпохи Возрождения. А наряду с этим: «История Испании», «История Первой мировой войны» (перевод с русского), «Всемирная история» (китайских историков), «История Американской революции» (перевод с английского).

Каждый вечер у боковых ворот университета начинается своя жизнь: подъезжает походная кухня, тут же варят, жарят что-то в соевом соусе. Забегаловка прямо на улице. Примитивная плита, вечером при свечах старуха что-то стряпает. К ней подходят рабочие, покупают, тут же едят, присев на корточки.

Недалеко от университетского общежития - рынок. Идет оживленная торговля. Чего только здесь нет: побеги молодого бамбука, картофель, батат, «черные» яйца, живые куры, рыба, крабы, морские улитки, бобы, арахис, фрукты (яблоки, груши, бананы, арбузы, дыни, сахарный тростник). Все взвешивается на весах-коромыслах. Вот продавец хватает облюбованную покупателем живую курицу, связывает ей соломой ноги и вздергивает на ве-

сы, затем они долго торгуются. Здесь же идет мелкий ремонт обуви и пошив одежды, починка велосипедов и т.д. Каждый зарабатывает, как может.

Торгово-предпринимательская инициатива развивается всюду. И в то же время некоторые партийные лидеры призывают бороться с влиянием буржуазной идеологии.

Реакция на «культурную революцию» простых людей, когда узнают, в частности, что один из моих приездов в Китай в 1966 г. совпал с 8-й встречей Мао Цзэдуна с *хунвэйбинами*, скорее, иронически-саркастическая (да, мол, было в нашей истории такое недоразумение), нежели мрачная, тягостная... Это любопытно. Но идеи Мао все же где-то сидят внутри их всех.

МНОГОЛИКИЙ ШАНХАЙ

Первая поездка в город. Набережная реки Хуанпу, территория бывшего международного селтлмента, сейчас она называется улицей Сунь Ятсена. Здесь возвышаются многоэтажные громадины - гостиницы «Шанхай», «Мир», китайский государственный банк, шанхайский горком КПК. Пестрая гуляющая толпа, велосипедисты, автомашины, гудки паровозов, автомашин, звонки велосипедистов. Одеты китайцы вполне добротно и современно.

Шанхай многолик и разнообразен.

Город выглядит как витрина открытости Китая внешнему миру. Реклама различных международных компаний. Шанхай - побратим Нью-Йорка, и 1 января в Шанхае отмечается День Нью-Йорка.

Улицы Шанхая сравнительно узки, даже одна из центральных - 5-километровая Нанькинская - не шире нашей Неглинки. Движение транспорта - в один ряд, специальным заборчиком второй ряд отгорожен для велосипедистов, но по нему валом валит пеший народ. Проявляя чудеса управления, снуют велосипедисты, в городе одновременно находятся

в движении более четырех миллионов людей на велосипедах.

Машины надрываются от гудков - без этого двигаться им было бы невозможно. Водители тормозят чрезвычайно редко. Дежурные регулировщики на перекрестках, как правило, - люди пожилого возраста, скорее всего, пенсионеры, с красными нарукавными повязками. Это - символ их власти над движущейся толпой, машинами, велосипедистами. И им безоговорочно подчиняются.

На Нанькинской, Сычуаньской улицах - сплошные магазины. В магазинах не протолкнешься, но очередей за каким-нибудь дефицитом нет и в помине. Всё стало доступно. Плати денежки и бери. Овощи, фрукты повсюду. Правда, за грушами на 5-6 *фэней* (копеек) дешевле уже небольшая очередь.

Вообще, настроение у людей отличное, жизнь бьет ключом. У людей появились деньги, а у некоторых, видимо, и немалые. Берут дорогие телевизоры (появились и цветные - и японские, и китайские), холодильники. Есть и частные автомашины. Много иномарок, в основном японских, в т.ч. микроавтобусы.

Масса забегаловок. Проблема с питанием в городе, судя по всему, практически решена.

При покупке какого-либо товара китаец тебя не обманет, не обсчитает. Сдачу получишь до копейки. В ресторанах безукоризненное обслуживание. Кондиционеры. Прекрасное баночное пиво, которое научились производить по немецкой технологии в г. Циндао. Когда выходишь из ресторана - около подъезда стоит толпа китайцев и наблюдает, как выходят «белые люди». Когда что-то покупаешь, торгуешься (а китайцы обожают торговаться), тоже может собраться народ, вслух осуждая продавщицу за попытку не добавить тебе несколько *фэней*.

Шаг в сторону от Нанькинской, и, как выясняется, здесь уже иная жизнь, другой Шанхай. Это - чрево города. Шанхай узких переулков, страшной скученности, где

вся жизнь протекает наполовину снаружи. Сплошной ряд двухэтажных домов, примыкающих друг к другу. С улицы прямо вход в комнату - это или столовая, или спальня, чаще - и то, и другое вместе. Сверху свисает белье. И тут же, прямо на улице, протекает жизнь семьи и соседей: едят, спят, отдыхают, стирают белье, судачат, играют в домино, нянчат младенцев. Вот китаец управляется с только что купленной курицей: отрубает ей голову и тщательно, до капли сцеживает ее кровь. Старуха, отдыхающая в кресле перед домом, зорко следит за происходящим вокруг. Парни, дующиеся в карты, игроки в китайские шахматы... Даже у многоэтажных домов - жильцы практически все на улице. А мимо идут люди, едут автобусы, автомашины... До чего же велика сила корпоративности, коллективизма в Китае!

Меня провожают любопытными взглядами, улыбаются, обмениваются шутками. Судя по всему, к иностранцам здесь привыкли. Признаки современности - кое-где в комнате телевизор, кое у кого в руках транзисторные радиоприемники.

Наконец, я попадаю на рынок и в район Сада радости. Рынок - это масса разнообразных магазинчиков, харчевен. Люди не просто смотрят - покупают, вплоть до фотоаппаратов; заходят закусить в пельменные, где готовят еще и пампушки. Процветает частная торговля. У каждого частника на груди - копия лицензии, дающей право на ведение бизнеса.

Раскованно чувствует себя молодежь. Парни с длинными прическами (немыслимыми еще с десяток лет назад), длинноногие красотки в коротких юбочках. В укромном уголке Сада радости парень держит на коленях девушку. Китайцы теперь не боятся контактов с иностранцами. Модницы развлекаются с ними в барах и ресторанах.

Как всякий многомиллионный город, Шанхай не отличается особой чистотой, но за этим следят. Специальные фотовитрины с наглядной агитацией призывают не мочиться и не сорить на улице,

не развешивать белье, хотя все переулки заполнены им.

Идет борьба с преступностью. Целые стены заняты фотовитринами, разоблачающими отдельных преступников, их препровождение в суд и допросы. Точно указаны личности провинившихся, годы рождения, откуда они родом, род занятий, карьера и т.д. Один занимался махинациями, обманывая покупателей, поддельная квитанция (работала целая шайка), указывалось, сколько нагнали. Другой обворовывал иностранцев в гостиницах, проникая туда по поддельным документам. Третий выносил с предприятия металл, который спускал на сторону. На первое место вышло воровство.

Были и снимки женщин, осужденных за проституцию. В 1984-1985 гг. в Шанхае было выловлено около 8 тыс. «ночных бабочек», которых отправили в пригород выращивать овощи. Но они встречаются и до сих пор.

В один из весенних дней Шанхай украсился красными флагами, на стенах появились плакаты, лозунги. Так началась операция по обеспечению общественной безопасности в городе. А суть ее состояла в том, чтобы заставить воров, грабителей и прочую преступную мелкоту придти с повинной к властям, возратить похищенные вещи в обмен на отказ властей привлекать раскаявшихся к судебной ответственности. Власти поспешили сообщить о 7 тыс. воришек, вроде бы явившихся с повинной. Чудеса, да и только!

ПРОЗА ЖИЗНИ

В разговорах со знакомыми китайцами постепенно вырисовывается картина их повседневной жизни и быта.

Аспирант Фуданьского университета получает 60 юаней: это среднемесячная зарплата рядового китайца. А преподаватель - всего на 5-10 юаней больше. Правда, есть перспектива зарабатывать и свыше 70 юаней.

При виде моих валютных денежных купюр *вайхуй* у китайцев

загораются глаза. *Вайхуй* - это что-то вроде советских чеков в «Березку». Многих китайцев они просто зачаровывают. Довольно часто предлагают обмен на *вайхуй* китайской внутренней валюты - «народных денег» - *жэньминьби*, т.е. юаней. Еще во время моего первого посещения базара неподалеку от университета продавщица яиц, не стеснясь обступивших нас китайцев, тоже угоривала меня провести такую операцию...

Захожу в забегаловки, заказываю китайские блюда. Впрочем, выяснилось, что в некоторых харчевнях у посетителей требуют специальные талоны. На Сычуаньду видел специальный ларек, где, судя по всему, отоваривали людей рисом по карточкам. Люди подходили, предъявляли удостоверение, их фамилии искали в специальной картотеке, вынимали их формуляр, что-то записывали, что-то отрезали (очевидно, талоны).

В одной из забегаловок я спросил сидящего рядом парня о талонах. Он вынул удостоверение (там снимки его, жены и ребенка), долго искал, наконец, вынул несколько талонов и показал мне. Выходит, что дешевое питание регламентируется. Все остальное - довольно дорого. Но деньги у людей появились. Наблюдал, как молодой парень, окруженный толпой зевак, покупал магнитофон китайского производства за 525 юаней.

Существующие талоны на рис, кунжутное масло, соль и прочие товары призваны подкрепить стабильную продовольственную ситуацию, гарантируя каждому китайцу определенный минимум по низким ценам, создавая тем самым определенные границы для

взвинчивания цен*. В общепите можно питаться по талонам - заплатишь мало, но без них - дороже.

Велосипеды, самый распространенный вид транспорта, в магазинах стоят 160-170 юаней, но продают их только по талонам с предприятий. Иностранцу продадут лишь на валютные деньги в специализированном магазине «Дружба» чуть подороже. В городе три завода, которые производят велосипеды. Шанхай - город велосипедистов. Ездить на велосипеде, лавируя в огромной толпе, человеку, непривыкшему к такому лавированию, чрезвычайно трудно.

В магазинах заметно присутствие японских товаров: цветные телевизоры, калькуляторы, фотоаппараты, фотопленки, видеомагнитофоны, видеокассеты, даже часы и зажигалки и т.п. Особенно ценятся телевизоры.

К концу моего пребывания в Китае кампания по борьбе с нелегальным обменом валюты дала свои результаты. *Вайхуй* уже не производит прежнего впечатления. Теперь на улицах уже никто не предлагает обменять *вайхуй* на *жэньминьби* по курсу «черного рынка», а если предлагает, то какой-нибудь единичный торговец, который при этом три раза воровато оглянется и снизит голос до полупшепота, начав объясняться незаметными жестами. В магазинах для иностранцев стали спокойно принимать «народные» юани, чего раньше не было.

Преподавателя Гу Вэньдина, который показал мне снимок своей дочери, спрашиваю: «А если захотите второго ребенка?» Тогда каждому из супругов придется лишиться 30% зарплаты и вместе со вторым ребенком - бесплатно

других льгот. Вступление в брак мужчинам разрешается с 22 лет, женщинам - с 20. Впрочем, обычно мужчины женятся в 26-28 лет, женщины выходят замуж в 22-24. В одном из пригородов Большого Шанхая - Наньсяне - я увидел стенд, призывающий к поздним бракам и к тому, чтобы ограничиться одним ребенком. Кстати, в аптеке можно бесплатно получить презервативы - ограничение деторождения на практике!

БЕЗ ВОСТОРГА И БЕЗ ВРАЖДЫ

Любопытную деталь узнал из рассказов советских стажеров-«технарей» из Пекина, Нанкина и Шанхая. Китайцы гораздо лучше относятся к тем иностранцам, которые плохо знают или вовсе не знают китайский язык, чем к «знатокам». Подумал, что психологически это оправданно с точки зрения их национального характера и восприятия чужеземцев. В «незнайках» китаец чувствует беспомощность, неуверенность, нужду в помощи, и он готов ее оказать, проявляя свою снисходительность, менторство. К владеющим языком они нередко относятся с подозрительностью и плохо скрываемым недоброжелательством. В их представлении такой иностранец чувствует себя гораздо увереннее и может позволить себе в отношениях с китайцем пренебрежительность, высокомерие. Все-таки определенный укоренившийся комплекс неполноценности так или иначе проявляет себя, хотя и преодолевается постепенно. Думается, что это один из моментов китайского массового сознания**.

** С этим феноменом я столкнулся, когда через 20 лет после длительной командировки в Японии, в 1992 г. на ежегодных международных соревнованиях журналистов-любителей, проходивших в тот раз в США в Скалистых горах в штате Колорадо, мне пришлось мобилизовать остатки воспоминаний о разговорном японском языке, поскольку моя собеседница-японка прекрасно знала французский, но, в отличие от остальных японских коллег, не владела английским. Известие о моем знании японского было встречено последними весьма прохладно, и они по-прежнему предпочитали общаться на

* В связи со сложностями экономического развития КНР, особенно после маоистских экспериментов типа «большого скачка» и создания «народных коммун» в деревне, китайское руководство в течение длительного времени вплоть до конца 90-х гг. было вынуждено прибегать к нормированию распределения продовольствия (прежде всего риса) и важных промышленных товаров (в частности, хлопчатобумажных тканей, велосипедов). Этот процесс сопровождался достаточно жестким государственным контролем за ценообразованием. Новая экономическая политика после 1978 г., стимулировавшая экономический рост, внесла определенные коррективы. Государство сохранило низкие цены на товары, распределяемые по карточкам (обеспечив, таким образом, сносное существование малоимущих слоев), одновременно разрешив их реализацию через рыночные механизмы, но уже по более высоким ценам. Такая политика способствовала сохранению социальной стабильности в китайском обществе.

Желание китайцев подсмотреть, что делает иностранец, что смотрит, что читает, что пишет - поразительно. Достаточно останавиться, чтобы сделать какую-нибудь запись, к тебе обязательно подойдут несколько китайцев и станут заглядывать, что же ты пишешь, при этом ничего не понимая по-русски. Однажды я решил поужинать в харчевне, столики которой были расположены прямо на тротуаре, под деревьями. Мимо шагали прохожие, двигались автомашины. Мне вынесли жаровню, в которой я сам готовил себе мясное блюдо. Прохожие останавливались и смотрели. Одни, насмотревшись, уходили, подходили новые «зрители». Чувствуешь себя в такие минуты, как в зверинце, но, в конце концов, ко всему привыкаешь. Когда ты реагируешь на эту, с твоей точки зрения, бестактность, китайцы чаще всего не понимают, чем вызвано твоё раздражение. Разговор с продавцом, выяснение какого-то вопроса у прохожего - мигом собирается толпа.

Отношение к нам, советским, вполне нормальное, нет какой-либо предвзятости, но нет и особого выделения из среды иностранцев. То, что они видят перед собой советского человека (*сулянь жэнь*), вызывает удивление, определенное оживление, но уж не восторг, который, не исключая, некоторые из нас ожидали увидеть. Когда китайцы узнают, что мы русские, - на какой-то момент цепенеют, не зная, о чем с тобой говорить. Кое-где восклицали: «А! Советский, старший брат...», но, судя по всему, с ироническим оттенком.

И все же любопытство берет верх. Это связано, прежде всего, с тем, что наши соотечественники - редкие гости. Последние 20-25 лет китайцы просто не видели советских людей (по крайней мере,

большинство китайцев, с которыми нам приходилось общаться). Познания о нашей стране очень скудны. Нечасто кто-либо из случайных знакомых мог назвать какие-нибудь российские города, кроме Москвы и Ленинграда. Сказывается особый характер отношений между нашими странами. Как правило, настрой, отношение простых людей к нам дружелюбное, хотя первоначально - настороженное.

Удивляются, что в СССР нет частных магазинов и вообще частников в сфере обслуживания. Интересует китайцев многое, но, как правило, связанное с уровнем жизни (зарплата, продолжительность рабочего дня, система отпусков, соотношение рубля и юаня и т.п.). Все, с кем приходилось разговаривать, выражают удовлетворение улучшением советско-китайских отношений. Впрочем, самое доброжелательное отношение к нам ощущаешь со стороны людей старшего поколения. Многие из них еще даже помнят несколько слов по-русски.

Молодежь же, как правило, настроена несколько в ином ключе. Для нее СССР - это большая страна, по-своему интересная, но закосневшая на старых догматических принципах, а потому малопривлекательная. (Хотя появившиеся на китайском рынке некоторые советские товары, например, холодильники, пользуются спросом.) Вот Запад - США, Европа плюс Япония - это совсем иное, о чем ниже.

По мнению посетившей нас в Фудане Н.Е.Боревской, сотрудницы Института Дальнего Востока АН СССР, китайцы делают всё только в обмен на твои услуги («баш на баш»). Чувствуется такого рода настрой: у вас (т.е. у СССР) большая территория, у нас (т.е. у Китая) - маленькая, вам хорошо живется. И это повсеместно. На вопрос, почему не осваиваете территории китайского Запада - провинцию Ганьсу, Синьцзян-Уйгурский автономный район, молчат. Богатые страны (США, СССР и др.) должны, по их мнению, помогать бедным, в т.ч. Китаю. Четко проявляется

стремление качать деньги из иностранцев. Раз ты иностранец, значит богатый. Хочешь путешествовать, познавать Китай, покупать китайские товары - раскошеляйся.

В моих беседах вопрос о том, что Россия якобы в свое время захватила китайские земли (в трактовке Мао Цзэдуна), чаще прямо в лоб не ставился. Зато явно звучало убеждение, что у нас территории намного больше по сравнению с численностью населения, а у них не хватает, и, отсюда-де, многие из имеющихся в Китае трудностей. Думается, что за последнее время названный стереотип подхода к нам сформировался в массовом сознании в значительных масштабах.

Студенты факультета русского языка Института иностранных языков вдруг затевают разговор о «задолженности» СССР Китаю, о том, что советский Дальний Восток - бывшая китайская земля. Выясняется, что в учебниках, по которым они учатся, содержится все та же историческая «мудрость».

Изучение русского языка в институте иностранных языков здесь теперь уже не на переднем плане. Фавориты - английский и японский языки. Выстроен огромный корпус факультета японского языка. В институте работает масса приглашенных преподавателей-иностранцев по контрактам (из Великобритании, США, Японии).

Мой китайский приятель Шэнь Вэньчжун (здесь у него есть русское имя - Алексей) рассказал о годах «культурной революции», о том, как трудно жилось в ту пору. В частности, за знание русского языка он был объявлен чуть ли не шпионом и сослан в деревню. В период «культурной революции» русских эмигрантов разогнали, многие подались в Канаду, Австралию, Аргентину. Касаясь китайско-советских отношений, Шэнь сказал: «Наши ссоры - это ссоры в одной семье». Но из его слов я понял, что в Китае в настоящее время по-прежнему широко распространено настороженное отношение к нам. Это не

английском: многие японцы и по сей день почти инстинктивно начинают вести себя с иностранцами «по-западному», а в своей среде «расслабляются». Я же оказался «ни рыбой, ни мясом»: не столь хорош был мой японский, чтобы стать «своим», но и игнорировать остатки моих познаний тоже было неловко (прим. ред. Е.Русакова).

страх, а, скорее, убеждение, что с СССР надо быть начеку, что Советский Союз может причинить вред Китаю. Одним словом, нам не доверяют, и нас опасаются.

Мой «сокамерник» Чжигуан рассказал о лекции, которая проводилась на факультете международной политики для студентов Фудани. Лекция была посвящена деятельности И.В.Сталина в период Великой Отечественной войны. Чжигуан сказал, что в оценке Сталина преобладает официальная точка зрения: Сталин хорош во всех отношениях («Сталин - это Ленин сегодня»). Но существует и полуофициальная или неофициальная позиция, согласно которой у Сталина были ошибки, причем эти ошибки относятся, прежде всего, к оценке им китайской революции. Лектор критиковал Сталина за то, что он стремился использовать китайскую революцию в интересах СССР, настраивая Китай против Японии, угрожавшей Советскому Союзу. Сам Чжигуан считает, что в деятельности Сталина, как и Мао Цзэдуна, были и плюсы, и минусы.

В КНР вышла монография китайского историка о деятельности Льва Троцкого, в которой ему воздается должное как военному руководителю в годы гражданской войны. Был также издан том трудов Николая Бухарина, которого очень высоко оценивают в современном Китае. Чжигуан считает, что развитие СССР могло бы пойти по-другому, одержи Бухарин победу в борьбе со Сталиным.

ТЯГА К ЗАПАДУ

Судя по Шанхаю, Китай здорово развернулся к Западу. Тяга молодежи к Западу, ее стремление подражать Западу - огромное!

Первое, что спрашивает китаец: «Вы - американцы?» Вот они вызывают более откровенный интерес. Американские студенты ведут себя свободно, не заигрывая с китайцами, но и не высокомерно. Характерно, что и наши студенты тянутся к западным

студентам и стажерам (о чем предупреждали в посольстве) и не очень дружат с китайцами.

Молодежь хочет получать образование за границей (в США или Японии), стремится подражать западным манерам поведения, западным танцам, западной одежде, иметь в обиходе западную технику. Хочет как можно скорее избавиться от определенного комплекса неполноценности. Нас они тоже воспринимают как тянущихся к Западу.

Вряд ли стоит преувеличивать степень влияния Запада на Китай. Китай, прежде всего, - это лавина китайцев; никакого подбострастия перед иностранцами; вас обслуживают вежливо, пунктуально, до копейки сдадут сдачи и без тени подбострастия, чтобы получить на «чай». Но и недооценивать это влияние на Китай, особенно на молодежь, не стоит. Люди стремятся увидеть в «белом человеке», прежде всего, американца, или хотя бы западного немца. Многие стремятся заговорить с вами по-английски. Подражают западным манерам; за тобой внимательно, с любопытством наблюдают (человек с Запада!), и с намерением что-то взять на вооружение. В общем, когда узнают, что перед ними советский человек - скорее разочарование. Надеялись, что перед ними американец, а оказывается всего лишь *сулянь жэнь*! Да, авторитет мы в Китае порядочно подрастеряли.

Студенты из Германской Демократической Республики жаловались, что совместно проживающие с ними в одной комнате китайцы вконец «распустились»: не убираются в помещении, курят, сорят, ведут себя развязно и вызывающе. По их мнению, если некоторых из них «подраспустить» - тут же садятся на шею и начинают гордо взирать на окружающих со своих «культурно-исторических высот», проявляя что-то вроде пренебрежительно-равнодушного отношения. Правда, кого они уважают больше всех, - это американцев.

Профессор истфака Цзинь, который в свое время окончил Ленинградский университет,

рассказал, как работают в Фудани американцы. Раз в год они устраивают проверочные испытания на знание языков (и китайского, и английского), предлагают специальные тесты и отбирают группу наиболее способных и перспективных, с их точки зрения, студентов для учебы в США за счет американских вузов. Желающих попасть в Штаты - хоть отбавляй. В 1984 г. была серьезно упрощена процедура получения разрешений для выезда за границу.

Вечером по телевидению прокрутили документальную ленту о пребывании в Китае знаменитого американского боксера Мухаммеда Али. Он был здесь вместе с женой в мае 1985 г., побывал в Пекине, где встречался с Дэн Сяопином, а также в Сиани, Шанхае. В фильме продемонстрировали его показательный бой с китайским боксером, где Али демонстративно упал, якобы поверженный в нокаут.

На днях в Шанхае дала два представления американская балетная труппа Элвина Эйли, танцующая в стиле модерн. В Пекине, судя по прессе, она произвела фурор. *China Daily* писала о ней в захлеб, подчеркивая, что за 5-юаневый билет некоторые были готовы платить 30 юаней - почти ползарплаты рядового китаецца.

А японцев не любят. Где-то в глубине китайской души запрятано чувство неприязни к японцам. Да, все признают необходимость развития экономических связей с Японией, на словах готовы в пропаганде кричать о дружбе на века, но в душе японцев не любят. На улице им не расточают улыбок, с ними не здороваются, их стараются не замечать. Да и те, судя по всему, не чувствуют себя уверенно и уютно в Китае.

Парень из Нанкина прямо сказал мне, что китайский народ ненавидит японцев. И это он говорил, несмотря на пропагандистскую шумиху о японо-китайской дружбе!

(Окончание следует)